

ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННОКОВ В ОЧЕРКАХ М. А. АЛДАНОВА

С. Н. Гладышева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 апреля 2014 г.

Аннотация: В статье анализируются портретные очерки М. А. Алданова о современниках, опубликованные в эмигрантских периодических изданиях. Отмечаются умение публициста создать психологический портрет героя, раскрыть внутреннюю мотивацию его поступков, философская глубина замысла и авторских суждений.

Ключевые слова: М. А. Алданов, первая волна российской эмиграции, публицистика русского зарубежья, портретный очерк.

Abstract: The article analyses M. A. Aldanov's character sketches of his contemporaries published in emigre periodicals. The author pays attention to the skills of the publicist to create a psychological portrait of a character, reveal the internal motivation for his actions as well as the philosophic depth of his message and his judgments.

Key words: M. A. Aldanov, the first wave of Russian emigration, Russian emigre public writing, character sketch.

Марк Александрович Алданов (настоящая фамилия Ландау, 1886-1957) состоялся как писатель и публицист уже в эмиграции, уехав из России в 1919 г. Свое отношение к революции он выразил в публицистической книге «Армагеддон» (1918), сразу после выхода конфискованной большевиками, в сборнике очерков «Огонь и дым» (1922), который был написан вскоре после его отъезда из России. Алданов, не принимавший любые проявления насилия, считал революцию самым жестоким явлением в истории, относился к ней как к исторической трагедии.

В эмиграции он стал одним из популярных исторических романистов (тетралогия «Мыслитель», трилогия «Ключ. Бегство. Пещера», роман «Истоки» и др.), его произведения печатались в лучшем «толстом» журнале русского зарубежья «Современные записки», его книги были переведены на 24 языка. Известно, что, начиная с 1933 года, И. Бунин ежегодно выдвигал кандидатуру Алданова на Нобелевскую премию. Как и многие писатели в эмиграции, он активно занимался публицистической работой: был одним из редакторов журнала «Грядущая Россия» (Париж, 1920), в Берлине в 1922-1924 гг. редактировал воскресное приложение к газете «Дни», выступал с очерками и статьями в газетах «Последние новости», «Дни», «Сегодня», журнале «Русские записки». Критики русского зарубежья – В. Ходасевич, М. Слоним, В. Яновский – считали, что Алданов сильнее как публицист, чем как писатель.

В начале Второй мировой войны он переезжает из Парижа в Нью-Йорк, печатается в газете «Новое русское слово», вместе с М. О. Цетлиным создает «Новый журнал», ставший преемником «Современ-

ных записок». В 1947 году Алданов вернулся во Францию и до конца своих дней жил в Ницце, сочиняя романы и рассказы. Здесь была написана книга философских диалогов «Ульмская ночь. Философия случая» (1953), посвященная проблеме случая в истории и помогающая понять историософскую мысль романов писателя.

Особое место в публицистическом наследии М. Алданова занимают портретные очерки; большинство из них впервые было опубликовано в газете «Последние новости» (Париж, 1920-1940), одном из самых влиятельных периодических изданий русского зарубежья. Позже их перепечатывали в переводах газеты различных европейских стран; часть из них Алданов включил в сборники «Современники» (Берлин, 1928), «Портреты» (Берлин, 1931), «Земля, люди» (Берлин, 1932), «Юность Павла Строганова и другие характеристики» (Белград, 1934), «Портреты», т. II (Париж, 1936).

Л. Е. Кройчик определяет очерк как «публицистический жанр, в образной форме исследующий закономерности социально-нравственного бытия человека и развития общественных процессов, а также конкретные ситуации реальной действительности» [1, 164]. Предметом портретного очерка всегда выступает личность, которая по тем или иным причинам интересна и автору, и читательской аудитории. Публицист представляет читателям человека со своим духовным миром, характером, которые раскрываются в общественно-значимых действиях, конкретных поступках, в различных биографических эпизодах, в речи, внешнем портрете героя.

В центре портретных очерков М. Алданова – как деятели и события Французской революции и близких к ней эпох, так и современные политики, обще-

ственные деятели, пользующиеся недоброй известностью фигуры новейшей истории. Позже в романе «Истоки» он назовет своих героев: «люди тройного сальто-мортале» [2]. О ком бы из современников ни писал очеркист – Сталине, Гитлере, Пилсудском, Клемансо, Бриане, Блюме, Ллойде Джордже, Черчилле, Ганди, Азефе – он всегда демонстрирует художественный анализ личности героя, опирающийся на исследование разных ее сторон (социальной, нравственной, интеллектуальной, творческой). Заметно, что герои интересуют автора в той степени, в какой для него история и политика были связаны с человеческой психологией.

Следует отметить, что «взгляд на себя как на людей, живущих в истории, был присущ многим эмигрантам, историческое миссионерство осознавалось и постулировалось ими как своеобразная «эмигрантская идея» [3]. Следствием подобного взгляда стали и активность эмигрантских историков, и огромное количество мемуаров, написанных в эмиграции, и популярность в зарубежье исторического романа как жанра.

Марк Алданов всегда воспринимал современную политику как часть текущей истории. Для него как исторического романиста идея историчности современного момента оказалась как нельзя более актуальной. И в романах, и в портретных очерках о современниках он пытается найти ответы на волнующие всех эмигрантов вопросы: была ли русская революция неизбежной? Существуют ли закономерности исторического процесса?

Для создания образа исторической личности Алданов, как правило, воспроизводит нетривиальные ситуации, обнаруживает те знаковые отрезки жизненного пути героя, которые способствуют наиболее полному выявлению его характерных качеств. В очерке «Сталин» (1927) публицист подробно на основе исторических документов воссоздает события 13 июня 1907 г. в Тифлисе, когда под предводительством Иосифа Джугашвили, вождя так называемых боевиков Закавказья, было осуществлено нападение на фаэтон с охраной, в котором кассир тифлисского отделения государственного банка перевозил большую сумму денег.

Публициста интересуют детали произошедшего: «В центре города <...> с крыши дома князя Сумбатова в поезд был брошен снаряд страшной силы, от разрыва которого разлетелись вдребезги стекла окон на версту в округе. Почти одновременно в конвой с тротуаров полетело еще несколько бомб, и какие-то прохожие открыли по нему пальбу из револьверов. На людной площади началось смятение, перешедшее в отчаянную панику» [4, 129].

Автор упоминает, что в результате «экса», осуществленного под руководством Джугашвили, партийная касса большевиков пополнилась 250 тыс. рублей, при этом было убито и ранено около 50 человек. Для Алданова этот эпизод крайне важен

в контексте разговора о нравственности в политике, о средствах, используемых героем для достижения поставленной цели. «Для Сталина не только чужая жизнь копейка, но и его собственная, – этим он резко отличается от многих других большевиков» [4, 127], – отмечает публицист одно из ключевых качеств героя очерка.

В очерке «Гитлер» (1932) Алданов предлагает читателям подробное описание одного из митингов, на котором герой выступает перед десяти тысячным залом. Публицист ссылается на свидетельства французского журналиста и описывает эту сцену в репортажной манере: «Ровно в восемь часов раздаются трубные звуки. В зал торжественно входит оркестр, играя военный марш. За ним следует «взвод знаменосцев», далее «ударный отряд» из людей в коричневых рубашках с засученными рукавами и, наконец, конвой «телохранителей вождя». У телохранителей на головах каски с изображением черепа. Раздается команда: «Глаза направо!...». Весь зал встает, следуя кто как умеет военной команде. На пороге между двумя взводами конвоя появляется Гитлер. Громовые рукоплескания длятся несколько минут. Невысокий, мертвенно-бледный человек, со злыми сверкающими глазами, в полувоенной форме, украшенной свастикой – индусским значком, занимает место на трибуне» [4, 144].

И далее, создавая у читателей эффект присутствия, замечает: «Каждая фраза его речи <...> прерывается бешеными рукоплесканиями. Толпа встает, как один человек, и начинает петь «Deutschland uber alles». **Ей вторит орган большого бреславльского зала. Гитлер рычал более часа» [4, 144-145].** Инстинкты толпы, в которой теряется человеческая личность; полное подчинение присутствующих мертвенно-бледному человеку, рычащему свои речи; атмосфера замороженности в зале точно переданы в очерке. Алданов ссылается на свидетельство французского журналиста: «как оратор Гитлер не имеет себе равных в современной Германии. Он зачаровывает толпу, которая с наслаждением слушает все расточаемые им грубости, его декламацию против предателей, мошенников, продажных людей. Никто таким языком не говорил в Германии» [4, 144].

Представляя читателям Махатму Ганди, духовного лидера Индии, Алданов обращает внимание на особенности юридической практики героя в молодости: «Очень часто он сообщал клиентам о пробелах своего юридического образования вообще и советовал обратиться к какому-нибудь более опытному адвокату» [4, 367]. Предельная честность Ганди, его нравственная чистота обнаруживалась публицистом и в следующих ситуациях: «Если на суде во время разбирательства дела доводы противной стороны неожиданно его переубеждали, то он тотчас так суду и заявлял, что противник поколебал его убеждение и что он с противником соглашается» [4, 367].

Алданов – мастер психологического анализа, его волнует психологическая подоплека поступков и мыслей героя. В очерке «Гитлер» автор представляет и начальные этапы биографии героя. В частности, он упоминает о том, что рано осиротевший Адольф, мечтавший стать художником, из-за отсутствия аттестата зрелости не мог поступить в Архитектурную школу и был вынужден работать маляром. Алданов замечает: «Если он когда-либо будет причиной мировой катастрофы, то человечество поплатится отчасти за эти годы, проведенные Гитлером на венских постройках» [4, 150-151].

В очерке «Мата Хари» Алданов показывает, что «романтика шпионажа» сама по себе сыграла немалую роль в судьбе героини: «Она всю жизнь жила нервами, ощущениями, фантазиями, точно вертела свой собственный биографический бульварный фильм. У этой женщины было чисто кинематографическое воображение: «дочь Эдуарда VII и индусской принцессы», «герцогиня фон Целле», «Явайская светская львица», «леди Греша Маклеод» <...>, – все это типичные сцены «сверх-роскошного боевика». В своем боевике она играла роль роковой женщины, порою играла очень недурно. Глава «великосветская шпионка» укладывалась в него превосходно» [4, 64].

Пытаясь разобраться в психологии «короля предателей» [4, 106] Азефа, публицист выделяет две его основные черты: «инстинкт отчаянного игрока и непреодолимая потребность в актерстве» [4, 102]. Он отмечает, что «главной страстью Азефа была игра – игра во всех смыслах. Эта страсть сочеталась с полным отсутствием каких бы то ни было задерживающих начал, кроме соображений личной выгоды. Своеобразная профессия укрепляла своеобразную психологию. Едва ли Азеф был «садивчески жесток», но, вероятно, ему нравилась стихия, в которой роль его была так велика» [4, 109].

С одной стороны, Алданов показывает Азефа как главу Боевой организации социалистов-революционеров, организовавшего множество крупнейших террористических актов, среди которых: убийства Плеве, великого князя Сергея Александровича, генерала Богдановича, Гапона, Татарова; три покушения на царя, покушения на великих князей Владимира Александровича и Николая Николаевича, покушения на Столыпина, на Дурново, на Трепова, на адмирала Дубасова и Чухнина. С другой – отмечает, что «этому списку соответствует другой, более длинный, – список революционеров, выданных им департаменту. Их исчисляют десятками, если не сотнями. Сколько из них было казнено, не берусь сказать» [4, 79].

При этом публицист подчеркивает, что истинная роль Азефа долгое время была тайной и для революционеров, и для департамента полиции: «каждая сторона была убеждена, что он ей предан всей душой» [4, 80]. Алданов также замечает, что Азеф получал жалование от двух сторон: ему исправно плати-

ло полицейское ведомство, не игнорировал он и партийную кассу социалистов-революционеров.

В очерке об Азефе Алданов развенчивает мифы, которые создавались после разоблачения двойного предателя. Публицист утверждает, что «Азеф был злодей совершенно будничным. Одни изображают его демоном, другие мещанином-коммерсантом. Думаю, что истина лежит приблизительно посредине. Азеф мог так же хорошо торговать селедкой, как торговал человеческой жизнью. Но все же по призванию (совершенно добровольно) он избрал для торговли не селедку, а человеческую жизнь» [4, 107]. «В Азефе, – по мнению публициста, – коммерсант отлично совмещался с убийцей» [4, 103].

Для Алданова-очеркиста характерна многоплановость в изображении человека. Сталин представлен им, с одной стороны, как «всемогущий русский диктатор», который «залит кровью так густо, как никто другой из ныне живущих людей», с другой – «это человек выдающийся, бесспорно самый выдающийся во всей ленинской гвардии» [4, 127]. «Свойств редкой силы воли и бесстрашия, по совести, отрицать в нем не могу», – утверждает публицист [4, 127].

Адольф Гитлер в очерке Алданова – «очень неглупый человек, самоуверенный, злой, мстительный и беспредельно честолюбивый» [4, 151]. Публицист замечает: «Надо отдать должное организационному дару Гитлера. Агитация, которую он вел в последние годы, не имеет, я думаю, прецедентов в истории: перед ней меркнет и большевистская агитация 1917 года» [4, 163]. Алданов с сожалением констатирует: «Ему одному в современной Германии удалось создать большое движение: как это ни печально, он делает историю» [4, 151]. Проследив основные этапы биографии Гитлера, публицист делает вывод о состоянии Запада в целом: «Все учение Гитлера – ложь, не выдерживающая и снисходительной критики. Но сам он – живая правда о нынешнем мире, не прячущийся и страшный символ ненависти, переполнившей Европу наших дней» [4, 158].

Мата Хари для Алданова «очень умная и одаренная женщина, с необычайным темпераментом, жадно любящая жизнь. Жадно любящая позы и эффекты, взбалмошная до истеричности и болезненно лживая» [4, 63, 64].

В характере Азефа публицист отмечает хладнокровие, выдержку: «Его карьера была страшной и в переносном, и в прямом смысле слова. За любое из своих террористических дел он непременно был бы повешен, если бы правительство своевременно узнало о его настоящей роли. За выдачу террористов его убили бы революционеры, если бы им стала известна правда. А ведь то и другое могло случиться в каждую минуту. Не говорю уже о косвенной (далеко не шуточной) опасности, беспрестанно грозившей Азефу в процессе его технической работы <...>. Не-

рвы у Азефа были, конечно, нечеловеческой крепости» [4, 108].

По мнению Алданова, «в развинченной душе Азефа по необходимости существовали два мира: мир социалистов-революционеров и мир департамента полиции. Ни один из этих миров не был его собственным миром. И в обоих он, конечно, должен был чувствовать себя дома. Его тренировка в этом смысле граничит с чудесным. Азефа выдали другие; сам он ничем себя ни разу за долгие годы не выдал. В каждом из миров своей двойной жизни он позволял себе и роскошь оттенков» [4, 110].

Значительные эпизоды биографии своих героев Алданов-очеркист перемежает публицистическими отступлениями, помогающими читателю не только осмыслить действия героев, но и понять позицию публициста. «Я в своих очерках не ставлю себе никаких политических целей и стараюсь соблюдать совершенное беспристрастие» [4, 151], – подчеркивал автор. В очерке «Сталин» он размышляет о том, что «в настоящее время в России к правителям предъявляются весьма пониженные требования в отношении «юридических сведений о прошлом». Это, разумеется, не всегда так будет. Но я боюсь, что это будет еще довольно долго» [4, 130].

В очерке «Гитлер» Алданов замечает: «Я не очень верю в близкий конец капиталистического мира. Главное его достоинство не в том, что он очень хорош, а в том, что уж очень плохи его наследники» [4, 157].

В этом же очерке содержится рассуждение публициста о феномене массовизации культуры: «культурный прогресс сводится к уменьшению разницы в умственном росте между «толпой» и «элитой». Но это уменьшение может быть достигнуто повышением уровня «толпы» и понижением уровня «элиты». К сожалению, человечество в последнее время идет по второму пути много охотнее, чем по первому» [4, 158].

В публицистических отступлениях Алданова заметна его склонность к политико-философским афоризмам: «все в мире повторяется под разными широтами и долготами» [4, 155]; «история всех революционных движений переплетается с повестью предательства и измены» [4, 92]; «одним из важнейших документов по истории большевистского движения 1917 года будет («через двести – триста лет») гротеск германского генеральского штаба» [4, 53]. Отличительной особенностью публицистических отступлений Алданова можно считать полное доверие к читателю – думающему собеседнику, органическая потребность поделиться с ним своими размышлениями.

Следует отметить прогностичность многих высказываний публициста. Он писал о Сталине и Гитлере задолго до того, как миру раскрылась сущность обоих диктаторов, и дал им оправдавшуюся впоследствии оценку. В очерке «Сталин», написанном в 1927 г., Алданов замечает о герое: «диктаторское ремесло он понимает недурно <...>. Роль Сталина в большевистской революции в последнем счете наверное окажется не слишком выигрышной. Как поведет он себя «на финише», очень трудно сказать. Что именно не хватает Сталину? Культуры? Не думаю: зачем этим людям культура? Их штамповальный мыслительный аппарат работает сам собою – у всех приблизительно одинаково. «Теоретиков» Сталин всегда найдет сколько угодно, чего бы он ни захотел. Знает ли он только сам, чего именно он хочет?» [4, 139-140].

В очерке «Гитлер» (1932) Алданов задается вопросом: «Какой социализм будет осуществлять Гитлер, если достигнет настоящей власти, я сказать не берусь. Думаю, что никакого социализма осуществлять не будет <...>» [4, 167]. В этом же очерке звучит пророческая фраза: «за Гитлером теперь идут миллионы людей, и не сегодня-завтра он, чего доброго, подожжет мир» [4, 155]. В этом и ряде других портретных очерков Алданова чувствуется ощущение публицистом грядущей катастрофы Второй мировой войны.

М. Алданов создал в очерках галерею портретов современников, втянутых в водоворот истории, открыв для читателей оборотную сторону их официальных биографий. Умение создать психологический портрет героя, раскрыть внутреннюю мотивацию его поступков, философская глубина замысла и авторских суждений позволяют считать публицистические выступления М. Алданова значимым звеном в эволюции жанра портретного очерка, не утратившим своей актуальности и сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основы творческой деятельности журналиста / [ред.-сост. С. Г. Корконосенко]. – СПб.: Знание, СПБИНВЭСЭП, 2000. – 272 с.
2. Алданов М. А. Истоки / М. А. Алданов. – Режим доступа: http://bookz.ru/authors/mark-aldanov/istoki_505/1-istoki_505.htm (дата обращения: 1.04.2014).
3. Лагашина О. Марк Алданов: биография эмигранта / О. Лагашина. – Режим доступа: <http://www.utoronto.ca/tsq/22/aldanov22.shtml> (дата обращения: 31.03.2014).
4. Алданов М. Портреты: в 2 т. / М. Алданов. – М.: «Захаров», 2007. – Т. 2. – 640 с.